

Застава Яньмэнь

Столкнувшись с дерзким вызовом Елюя Се, Ян Е ответил со всей суровостью прославленного полководца:

— Генерал, если вы действительно намерены принести в жертву воинов, годами следовавших за вами, — что ж, Ян Е примет этот бой до победного конца.

Чоу Муи находился слишком далеко, чтобы слышать слова, летевшие над полем брани, но по жестам и осанке военачальников он безошибочно читал суть происходящего. Елюй Се держался вызывающе, его высокомерие сквозило в каждом движении, однако за этой бравадой скрывалась мрачная тень недовольства. Глядя на своего отца, Муи почувствовал невольное восхищение. Если отринуть личную обиду, если забыть о годах жгучей ненависти и предательстве, — нельзя было не признать, что этот человек, неколебимый, точно древняя скала, внушал трепет и гордость.

Перед ним стоял отец. За десять с лишним лет он не постарел — лишь обрел ту величавую невозмутимость, которую даруют только годы и опыт. Рядом — четверо братьев, ставшие доблестными защитниками Поднебесной, готовые стяжать славу на поле чести.

«Если бы... Если бы в тот день меня не бросили, — мелькнула горькая мысль, — стоял бы и я сейчас среди них?»

Муи прикрыл глаза, прогоняя это минутное проявление слабости. Глупо предаваться грезам. В прошлой жизни он был сиротой и привык к одиночеству, но в этом мире его предали в самый миг рождения. Такое нельзя принять. Такое невозможно простить.

Пока он боролся с внутренними демонами, обстановка на поле боя переменилась. Елюй Се сошелся в схватке с Ян Уланом. Сражение кипело: длинные копья мелькали со свистом, высекая искры при столкновении. В пылу боя Улан лишился своего оружия — древко переломилось, и противники перешли на клинки. Секунды слились в неистовый танец стали. Улан пропустил удар, и его сабля, выбитая мощным пинком Елюя Се, улетела в пыль. В решающий миг кто-то из своих метнул Пятому брату новый клинок. Перехватив его на лету, Улан нанес инстинктивный ответный удар, оставив на лице ляосского генерала глубокий рубец — отметину, что не заживет до конца дней.

Поскольку пари было заключено при свидетелях, Елюй Се, как бы ни кипела в нем ярость и жажда мести, был вынужден отступить. Ему предстояло вернуться к юному правителю Ляо и вдовствующей императрице Сяо с повинной головой.

Наблюдая за тем, как медленно уходит ляосское войско, Цуй Инлун и Ли Линъи облегченно вздохнули. Угроза миновала, хотя каждый понимал: волки с севера лишь зализывают раны, и новая война — лишь вопрос времени.

Ли Линъи, сославшись на дела, покинул вершину холма. У края обрыва остались лишь учитель и Муи, чей взгляд по-прежнему был прикован к заставе.

Цуй Инлун подошел ближе и замер, глядя на удаляющиеся спины генералов семьи Ян.

— Мы не виделись больше десяти лет, — негромко произнес он. — Всё оказалось не так, как ты себе представлял?

Муи медленно открыл глаза, голос его был холоден:

— Я никогда не представлял этой встречи. А значит, она не может быть иной.

Учитель кивнул, его тон стал серьезным:

— Застава Яньмэнь испокон веков была ключом к границе. Еще при Хань здесь решалась судьба Срединной империи в битвах с хунну, теперь же мы сдерживаем ляосцев. Сегодня Ян Е победил лишь благодаря удаче и безрассудству врага. В следующий раз Елюй Се не станет играть в благородство. Тогда в ход пойдут тысячи жизней. Если бы у Сун было больше таких полководцев, как Ян Е, разве посмели бы северяне вести себя столь дерзко?

Цуй Инлун на мгновение умолк, пристально глядя на ученика.

— Я спрашивал Цинъе о его целях. Я не потерплю, чтобы мой ученик стал продажным чинушей. Он ответил, что ты рожден для ратных подвигов, а он — для битв в залах дворца. Он — истинный сын Сун, и его амбиции направлены на благо империи. Ляоское вторжение превратит наши земли в пепелище. Я верю в Цинъе, верю, что он добьется власти. А ты? Неужели ты скажешь мне, что до изнеможения точил свое мастерство лишь ради личной мести? Сможешь ли ты стоять в стороне, когда начнется пожар войны? Позволишь ли ляосцам разрушить всё то, ради чего Цинъе проливает пот в столице?

Слова учителя били наотмашь, лишая Муи возможности бежать от правды. «Чего я хочу на самом деле?» — спросил он себя. Месть была лишь щитом. В глубине души он грезил о том, чтобы переписать эту горестную историю, выжечь гниль предательства и доказать, что он не бесполезный изгой.

Он вспомнил Цинъе. Тому наверняка приходится несладко — без связей и опоры пробиваться сквозь сети интриг.

Муи посмотрел с решимостью.

— Когда армия семьи Ян снова объявит набор, я пойду к ним, — произнес он, поворачиваясь к Цуй Инлуну. — Учитель, тогда вы останетесь здесь один. Берегите себя.

Цуй Инлун мгновенно преобразился, вернувшись к привычному добродушному ворчанию:

— Обо мне не беспокойся, я и раньше неплохо справлялся. Главное, что ты нашел путь. Помни: под моим началом ты стал грозным воином. Ты не один — Цинье всегда будет твоим тылом, а я — твоей опорой.

Решившись, Муи не упустил возможности поучиться у Ли Линъи. По совету Цуй Инлуна он признал в нем второго наставника, чтобы постичь искусство стратегии и тактики. Инлун же, не желая расставаться с другом, уговорил Ли Линъи вернуться с ними на гору Дунъян: «Даже если малец уйдет в армию, он не всегда будет на заставе. На горе нам будет проще помогать ему советом». Ли Линъи, дороживший своим единственным учеником, после недолгих раздумий согласился. На третий день они покинули границы, направившись к дому.

***

Бяньцзин

В столице дни Лю Цинье проходили в монотонном труде. Как младшему чиновнику Академии Ханьлинь, ему доверяли лишь разбор архивов да переписку свитков.

Однажды, когда он только закончил работу над очередным реестром, прибыл гонец с указом: Император пожелал ознакомиться со старыми документами. Старый ханьлинь по фамилии Мэй, отвечавший за архив, отыскал нужные свитки, но их оказалось слишком много для его дряхлых рук.

— Господин Лю, — окликнул он Цинье, — государь ждет эти бумаги. Помогите старику, пойдите со мной.

Цинье мгновенно понял ценность этого момента. Несмотря на статус таньхуа, в круговороте государственных дел государь мог быстро позабыть о нем. Новые таланты прибывали каждые три года, и без личного присутствия перед очами императора можно было десятилетиями прозябать в неизвестности. Ему нужна была власть — не ради тщеславия, а чтобы стать мечом и щитом для Муи, когда тот окажется в гуще политических бурь.

— Господин Лю, будьте предельно осторожны, — шепнул старик Мэй, пока они шли по дворцовым переходам. — Одно неверное слово — и никто вас не спасет.

Мэй искренне симпатизировал молодому коллеге. За его честность и прямоту его самого когда-то невзлюбил Пань Жэньмэй; не умея льстить, он так и застрял в Академии. В Цинье он видел себя прежнего — пылкого и преданного делу, но понимал, что юноша куда проницательнее и хитрее.

Проходя мимо садовых скал, Цинье краем глаза заметил подозрительное движение. Двое в

черных масках пробирались сквозь заросли. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы поднять тревогу, но внезапно осекся. Один из лазутчиков сорвал маску с другого, и Цинье едва не поперхнулся от изумления.

Это был Шестой молодой господин — Ян Люлан, которого он видел у ворот поместья Тяньбо.

«Что он делает в императорском саду под покровом тайны?»

Вторым лазутчиком оказалась девушка, судя по стати. Люлан и его спутница явно были здесь по какому-то важному делу. О преданности семьи Ян династии Сун слагали легенды, так что в их злых намерениях Цинье усомнился сразу. Скорее, эти двое ввязались в опасную авантюру, за которую могли поплатиться головами.

В этот момент Ян Люлан встретился взглядом с Лю Цинье. Шестой брат замер.

Цинье не был наивным праведником. Он привык превращать любую случайность в преимущество. В его глазах Люлан был не просто героем, но ценной фигурой на великой доске. Он мог бы сделать вид, что ничего не заметил, но вместо этого пристально посмотрел Люлану прямо в глаза. Если Шестой брат не глуп, он поймет: его тайна известна, и он сам придет искать встречи.

Семья Ян и Пань Жэньмэй были заклятыми врагами. Пань, пользуясь доверием императора, всячески притеснял семью Ян, движимый личной неприязнью. Его приспешники разоряли народ и безнаказанно творили бесчинства. Пока такой человек занимает пост канцлера, Поднебесной не видать покоя.

Лю Цинье беззвучно, одними губами, произнес свое имя: «Лю Цинье».

Оставив ошеломленного Люлана позади, он с невозмутимым видом отвернулся и последовал за старым господином Мэем, словно не видел ничего, кроме пыльных свитков в своих руках.

<http://bllate.org/book/17388/1694993>